

«Звезды блещут для всех одинаково, но высказывают волшебную красоту и разговаривают о вечном лишь с теми, кто не ленится подниматься высоко в горы».

За свою жизнь Владимир Иванович Клипель, написавший эти строки, совершил более ста путешествий. А в Великую Отечественную прошел от Балтийского моря до Тихого океана. Он был БОЛЬШОЙ. Рост. Душа. Интересы. Написанные им книги любого размера. Владимир Иванович был сдержан, немногословен, совсем невнешний, хотя богатырское сложение его выделяло. Несмотря на сдержанность, притягивал к себе людей. После второго курса Свердловского художественного училища его призвали в армию и началась его военная дорога через три войны. Был рядовым, закончил боевой путь гвардии майором. Шесть орденов, множество медалей. А потом — книги о войне и ее людях, о том, что по его словам, он знал.

Не помню точно даты знакомства с писателем Клипелем. Вот сейчас, к столетию со дня рождения Владимира Ивановича, раздумывая, что рассказать о нем другим, и перелистав его последние «невоенные» книги, я подумала: он ведь рассказал о себе сам. И на каждый вопрос об этом человецище можно найти ответ на страницах его документальных книжек «Амурское ожерелье», «Ноев ковчег», «Праздные наблюдения».

И воспоминания, и размышления Владимира Ивановича остаются в памяти и сердце. Это — честнейшее интервью. Со временем, современниками, собственной жизнью.

«Жизнь — это работа и работа. Плуг жизненный и тот в работе блестит, а без нее ржавеет. Не позволяй душе лениться. Отдыхает душа, дай дело рукам. Помимо основной работы имей в запасе дело, которое веселит и доставляет тебе радость. В ней твое избавление от тяжелых ударов судьбы и поражений».

Помню, как на праздновании Дня Победы в писательском доме, что был тогда на Комсомольской, я увидела впервые скромную, маленького росточка жену Владимира Ивановича Марию Иосифовну при наградах и орденах и онемела: на груди ее было их великое множество. А уж потом узнала, что была она сперва санинструктором, а после, закончив разведшколу, в качестве разведчика, офицера, командира взвода разведки прошла войну до конца. И мужчины глядели на своего маленького лейтенанта с уважением и восхищением. Там они и встретились с Владимиром Ивановичем, чтобы пробыть вместе шестьдесят пять лет. Когда я слушала, давно, рассказ ее в квартире, украшенной вышивками, когда пыталась представить там, на войне, маленькую женщину, когда напоминала себе, что она — мать четверых Клипелей — дочери и трех сыновей, жена, бабушка, хозяйка, я понимала, что она тоже — БОЛЬШАЯ и испытывала желание поклониться. А потом

и встретила у Клипеля: «Для нас с Марийкой последние дни февраля не только День Советской армии, которой мы отдали лучшие свои молодые годы, но еще и дни нашей фронтовой свадьбы среди друзей». И в другой книге — щемяще нежное: «Я пошел в конец дамбы, где заросли были особенно густыми, и там собрал среди трав небольшой букетик ранних цветов, включив в него две веточки цветущего шиповника. Когда понес их Марийке, она как-то особенно благодарно взглянула на меня и лицо ее засветилось. А я почувствовал такие угрызения совести, что... за житейскими заботами все недоставало времени уделить ей больше внимания. А ведь жизнь так коротка».

Владимир Иванович был очень тонким человеком. Его картины, резные работы открывают то, о чем он не говорил вслух. Он был — ХУДОЖНИКОМ.

Довелось ему прочесть танку, написанную императором Японии Хирохито. Это было время, когда мы открывали неведомые нам прежде виды литературы. И вот появились в его записях размышления в форме, которую он и сам определить затруднялся. Важно другое — это Поэзия.

*Я искал душу Природы в лесистых ущельях,
где до полудня таятся от солнца седые туманы,
а она дремала в лепестках цветущего пиона,
купаясь в его золотистой пыльце. Не топчите цветы.*

Владимир Иванович считал, что всякому человеку кроме главного дела нужна «услуга». И такой «услугой» была для него живопись. И еще резьба по дереву. Дверцы для шкафа, голова Демона. У меня вот — подаренный им маленький медведь стоит на книжной полке и напоминает день, когда я пришла к ним в дом поговорить, чтобы сделать о писателе Клипеле передачу для радио.

Он не очень хорошо чувствовал себя. Но разговор наш состоялся. Он недослышивал из-за трех недолеченных контузий, но справлялся — уже привычно. Он плохо видел. Но руки знали свое дело, и пока мы говорили, он закончил медведя и подарил мне. И живет с тех пор этот Мишка на книжной полке. Иногда я беру его в руки и слышу тепло, оставленное в дереве Владимиром Ивановичем. И говорю опять и опять: «Спасибо», потому что он — и пример, и подмога.

